

УДК 821.161.1-31(045)

*К.А. Нагина***«КУКЛА» ИЛИ «СВЯТОЙ»? О РИСУНКЕ ДУШИ В «АННЕ КАРЕНИНОЙ» Л. ТОЛСТОГО**

Предметом исследования в статье является рисунок движений души персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в первую очередь, Алексея Александровича Каренина. В одной из ключевых сцен романа – сцене родильной горячки Анны – ее участники проявляют заложенный в них потенциал изменчивости. Этот потенциал есть и в Каренине, который обладает самым широким из всех персонажей романа диапазоном оценок: от «куклы» до «святого». В статье анализируется сцена разговора Алексея Каренина с Долли Облонской, которая представляется особенно значимой для раскрытия характера Каренина и во многом проясняет диалектику его души в сцене родильной горячки Анны. На первый план в обеих сценах выдвигается способность героя испытывать «душевное расстройство» от вида чужих слез. Эта способность является отличительной чертой персонажа и комментирует его, казалось бы, неожиданное перерождение. Способность к христианскому прощению сближает Каренина с Андреем Болконским, также испытывающим «блаженное состояние души» – чувство любви к врагам.

Ключевые слова: «Анна Каренина», Л. Толстой, Алексей Каренин, сцена родильной горячки Анны, рисунок движений души.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-852-857

«Кто изучает “Анну Каренину”, тот изучает самую жизнь» [1], – эти слова К. Леонтьева нашли неоднократное подтверждение в работах исследователей, увидевших, что человеческая индивидуальность в романе Л. Толстого обладает особыми правами. Люди в «Анне Карениной» живут под знаком текучести, здесь меняются даже те, кто не наделен значительным потенциалом изменчивости, – Каренин и Вронский. Как замечает О.В. Сливацкая, «И Каренин, и Вронский пошли по пути, который не был предначертан им природой. Выход за свои пределы был вызван у них не столько тем, что внутренние ресурсы личности требовали своей реализации, сколько тем, что они оказались вовлеченными в судьбу Анны и в обволакивающую ее атмосферу страсти. Их подхватили потоки, созданные ее неуправляемым полетом навстречу жизни, счастья и гибели» [2, с. 41].

Ключевая сцена, в которой эти персонажи как будто выходят за свои границы, – сцена родильной горячки Анны. В ней Каренин неожиданно проявляет свою способность к прощению, а Вронский оказывается в растерянности от того, что муж, до этого игравший вполне определенную роль, вдруг оказывается простым, добрым и «величественным». Традиционно считается, что персонажи испытывают «внезапное» перерождение, которое читатель воспринимает как вполне правдоподобное: «...в прежнем Алексее Александровиче лежало и это, “готовое распусться”, но лежало на такой глубине, что авторская аналитическая работа этого почти не затрагивала» [2, с. 42]. Как видно из приведенной цитаты О.В. Сливацкой, способность Каренина «подняться на цыпочки» в духовном смысле слова связывается только со сценой родов Анны. Однако Толстой на самом деле более последователен: его «аналитическая работа» касательно Алексея Александровича с особенной отчетливостью видна еще в одной сцене, где персонаж уже раскрывает свой внутренний потенциал, а возможно, обнажает свою истинную природу. Это сцена разговора с Долли на вечере у Облонских.

Толстой изображает Каренина, как и Анну, через «внешний рисунок поступков, слов, событий» и через диалектику души, занимая позицию «непосредственного наблюдателя» [2, с. 37] внутренних процессов. Так Анна знает, как замечает автор, что ее супруг «лишен» «понимания» музыки, искусства и поэзии [3, т. 8, с. 127] и через абзац после этих строк удивляется, почему после ее поездки в Москву у него стали «так странно» «выдаваться» уши [3, т. 8, с. 127]. Та же Анна называет мужа «злой машиной» [3, т. 8, 210], «куклой» [3, т. 8, с. 396], упрекает его в том, что он не может любить и если бы «не слышал, что бывает любовь, ... никогда бы не употреблял бы этого слова» [3, т. 8, с. 165], утверждает, что ему нужны только «ложь и приличие» [3, т. 8, с. 230] и что он «восемь лет душил» ее «жизнь, душил все, что было» в ней «живого» и «ни разу и не подумал о том, что» она «живая женщина, которой нужна любовь» [3, т. 8, с. 322].

Но та же Анна во время родильной горячки смотрит на него с «умиленной и восторженной нежностью», утверждая, что он «слишком хорош», называет его «святым» и говорит, что она всегда

знала это. И, что удивительно, поведение Алексея Александровича абсолютно соответствует ее словам. Анна была в браке восемь лет, так неужели она совсем не знала своего мужа?

Толстой неоднократно показывает Каренина изнутри, что он крайне редко делает с Вронским, не обладающим должным духовным потенциалом. Вначале кажется, что и Каренин этим потенциалом не обладает, поскольку всегда отстраняется от живой жизни. Каренин – чиновник, который « всю свою жизнь прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражением жизни ». Поняв, что он оказался в положении обманутого мужа, Каренин почувствовал, что « стоит лицом к лицу с чем-то нелогичным и бестолковым, и не знал, что надо делать » [3, т. 8, с. 159]. Комментируя положение героя, Толстой прибегает к сравнению: « Теперь он испытывал чувство, подобное тому, которое испытывал человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидевший, что этот мост разобран и что там пучина. Пучина эта была – сама жизнь, мост – та искусственная жизнь, которую прожил Алексей Александрович » [3, т. 8, с. 160]. И возникает ощущение, что здесь Толстой совершенно сходится с Анной в оценке ее мужа – « кукла », « машина ». « Пучиной » Каренину представляется и личная жизнь Анны, и ее душа, « куда ему страшно было заглянуть » в тот момент, когда он впервые понял, что « у нее может и должна быть своя собственная жизнь ». « Переноситься мыслью и чувством в другое существо было душевное действие, чуждое Алексею Александровичу » [3, т. 8, с. 161], – заключает Толстой.

Дальше он снова показывает героя изнутри, и тот снова подтверждает оценку автора. Каренин решает, что ему нет дела до ее чувств, а он сам должен выступить в качестве « лица, обязанного руководить ею ». Так возникает канцелярское слово « лицо », показывающее, как Каренин вновь отсекает все « сырое и жизненное ». Это слово « лицо » повторяется дважды: « Как глава семьи, я лицо, обязанное руководить ею, и поэтому отчасти лицо ответственное: я должен указать опасность, которую вижу, предостеречь и даже употребить власть » [3, т. 8, с. 161]. Объяснение в подобном роде Анна отвергает.

Далее Толстой снова изображает Каренина извне, замечая, что « он, этот умный и тонкий в служебных делах человек, не понимал всего безумия такого отношения к жене ». Это « безумие » Толстой вновь объясняет тем страхом, который его герой испытывает перед реальной жизнью, перед тем положением, в котором он оказался. Единственный выход, который находит для себя Алексей Александрович, это запечатать свои чувства к семье – причем и к жене, и к сыну – в « ящик », который он « закрыл и запер », а служба становится одним из средств « не открывать того ящика » [3, т. 8, с. 223]. Несколько раз Толстой обращает внимание читателей на тот тон, которым Каренин говорит с Анной, когда пытается выказать нежные чувства по отношению к ней, – тон « насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил » [3, т. 8, с. 118]. Этот тон оказывается удобным барьером между ним и Анной: « ... тот его обычный тон представления кого-то был как нельзя более удобен для его теперешних отношений к жене » [3, т. 8, с. 223]. Этим же тоном « подтрунивания » Каренин говорит и с сыном [3, т. 8, с. 223].

Далее следует сцена скачек и признание Анны. В XIII главе третьей части Толстой снова обращается к Каренину, вынужденному принять решение. И здесь возникает новая деталь в его духовном облике. Писатель сообщает об одной слабости, которую имел этот « с виду самый холодный и рассудительный человек ». Эта слабость противоречит всему его складу характера: « Алексей Александрович не мог равнодушно слышать и видеть слезы ребенка или женщины » [3, т. 8, с. 306]. Эти слезы производили в нем « душевное расстройство ». Секретарь знал о слабости Алексея Александровича, поэтому предупреждал просителей, чтобы они не плакали. На слезы Алексей Александрович реагировал гневом. В это состояние « душевного расстройства » Каренина привели слезы Анны, когда она объявила ему о своих отношениях с Вронским. С особой тщательностью он выстраивает барьер между собой и женой: « ... он старался удержать в себе всякое проявление жизни и потому не шевелился и не смотрел на нее » [3, т. 8, с. 307].

Однако ее слезы возбудили в нем « странное чувство жалости к ней », которую он всеми силами старался подавить, – иными словами, « выдернуть » « долго болевший зуб » [3, т. 8, с. 307] – и это ему в итоге удалось. Каренин обдумывает ситуацию и приходит к выводу, что невозможны ни дуэль, ни развод. Он собирается употребить свою власть и удерживать Анну при себе: « ... употребив все зависящие меры для прекращения связи и главное – в чем самому себе он не признавался – для наказания ее » [3, т. 8, с. 311].

К особенному свойству Алексея Александровича – его способности испытывать « душевное расстройство » от вида чужих слез – Толстой возвращается в сцене обеда у Облонских, которая представляется особенно значимой для раскрытия характера Каренина. Разговор в гостиной задевает его –

говорят о Прячникеве, который вызвал на дуэль Квитского и убил его. Это чувствует Степан Аркадьич, который торопливо предлагает Алексею Александровичу закурить, но тот отказывается, поскольку держит себя в руках. Каренин спрашивает, за что дрался Прячник: «За жену. Молодцом поступил. Вызвал и убил!» Реакция Алексея Александровича сопровождается характерным мимическим знаком – поднятыми бровями. Человек поднимает брови, когда переживает, удивляется или боится. Алексею Александровичу, по замыслу Толстого, поднятые брови придают «выражение равнодушия», этот мимический знак позволяет ему выстроить необходимый барьер между ним и миром людей, пытающихся получить от него ответную реакцию.

Долли приглашает Алексея Александровича поговорить с ней – она хочет выполнить свой долг перед Анной – спасти ее семью точно так же, как Анна спасла ее. Дарья Александровна уверена в невиновности Анны, и она испытывает чувство гнева, глядя на «холодного, бесчувственного» Каренина. Долли отчаянно пытается установить с ним зрительный контакт, для чего заглядывает ему в глаза. Каренин же изо всех сил противиться этому контакту: «не глядя на нее», «не глядя ей в глаза», «избегающий ее взгляда» [3, т. 8, с. 431]. Это обычная привычка Каренина – он избегает тесного контакта с окружающими, с Долли он ведет себя подобно тому, как с Анной, когда говорит с ней тем самым «подтрунивающим» тоном. Долли же взволнована и пытается свое состояние передать ему, для чего касается рукой его руки: «Она быстро встала и положила свою руку на рукав Алексея Александровича» [3, т. 8, с. 431]. В итоге она добивается своего и Алексей Александрович смотрит в ее глаза: «теперь прямо взглянув в доброе взволнованное лицо Долли» [3, т. 8, с. 432], и мгновенно ее волнение передается ему – «и чувствуя, что язык его невольно развязывается» [3, т. 8, с. 432]. В этом состоянии Каренин признается Дарье Александровне, что глубоко несчастлив, и та сразу начинает жалеть его, а вера «в невиновность ее друга» колеблется [3, т. 8, с. 432]. Когда Долли пытается напомнить Каренину о христианских ценностях, которые для нее отнюдь не пустой звук, Каренин впадает в то самое состояние «душевного расстройства». У Долли на глазах выступают слезы, и Каренин тут же перенимает ее душевное состояние: «Лицо его покраснело пятнами, и мутные глаза глядели прямо на нее. Дарья Александровна теперь всею душой уже жалела его» [3, т. 8, с. 433].

Но неожиданно Каренин возвращается к исходной точке: «Воспоминания о последнем проступке жены (визите Вронского. – К.Н.) так раздражило его, что он опять стал холоден, как и при начале разговора» [3, т. 8, с. 433]. Об этом свидетельствуют вновь поднятые брови и плечи – знак защитной реакции, маски равнодушия, барьер между Карениным и Долли. И в этот момент Долли неловко уравнивает свое положение обманутой жены с положением Каренина как обманутого мужа. Это сравнение он не может простить. Его охватывает злоба, и Алексей Александрович говорит пронзительным, громким голосом «со слезами злобы» [3, т. 8, с. 433]. Долли «стыдливо» шепчет ему: «Любите ненавидящих вас...» [3, т. 8, с. 433], но эти слова вызывают в нем только презрение: «презрительно усмехнулся», «это не могло быть приложимо к его случаю», «спокойно простился и уехал» [3, т. 8, с. 434].

Итак, в этой сцене Каренин уже не «машина», не «кукла», а глубоко уязвленный и глубоко чувствующий человек. Неподдельная искренность собеседника, чужое страдание вызывают в нем «душевное расстройство», которое вряд ли вызовут в других персонажах романа. Как только пробивается брешь в той броне, которую Каренин защищает от реальной жизни, он перенимает состояние говорящего с ним, и, если не защищается гневом, то начинает плакать сам. Следовательно, от живого мира с его «пучиной» герой защищает небезосновательно – он просто рассыплется и расклеится тогда, когда столкнется с чужим страданием, не вооруженный столь тщательно выстраиваемой психологической защитой.

Важность сцены разговора Каренина и Долли несомненна – ведь именно здесь лейтмотивом проходит евангельская мысль о «любви к врагам». Прощаясь, Алексей Александрович заявляет: «Любите ненавидящих вас, а любить тех, кого ненавидишь, нельзя» [3, т. 8, с. 435]. Этот мотив станет центральным в следующей сцене – у постели умирающей Анны.

Толстой возвращается к Каренину в XVII главе четвертой части: герой вновь обдумывает главное «христианское правило», но решает, что этот вопрос слишком сложен, поэтому должен быть решен – и уже решен – отрицательно. Еще более Алексея Александровича занимает мысль о дуэли: он вспоминает слова Туровцына: «Вызвал ... и убил», и этот вопрос он решает отрицательно. В этот момент, когда он уже думает о служебных делах, лакей приносит ему две телеграммы: одну – о назначении Стрелова на то самое место, «которого желал Каренин», вторую – от Анны, которая сообщает ему, что умирает, просит приехать и простить ее. Эта телеграмма – с просьбой о прощении – прямое

продолжение размышлений Каренина о «главном христианском правиле». Алексей Александрович в данный момент находится во всеоружии: его психологическая защита работает исправно, и он воспринимает просьбу Анны как очередной обман. Он не может отказать жене только потому, что страшится общественного мнения: «...и все осудят меня» [3, т. 8, с. 449]. Для себя Алексей Александрович решает, что если близость смерти окажется правдой, то он простит жену или «отдаст последний долг, если приедет слишком поздно» [3, т. 8, с. 449]. Всю дорогу из Москвы до Петербурга Каренин не думает об этом, поскольку вопрос уже решен.

Швейцар встречается его известием о том, что Анна «разрешилась» «благополучно», и Алексей Александрович вдруг понимает, «с какой силой желал ее смерти» [3, т. 8, с. 450]. Чувства Каренина Толстой подчеркивает оксюморонным словосочетанием «надежда смерти», придающим особую остроту переживаниям Каренина. Однако все в доме идет не так, как надо: швейцар имеет «странный вид в старом сюртуке, без галстука и в туфлях», в спальне жены находится Вронский, а акушерка берет Алексея Александровича за руку «с фамильярностью близкой смерти» [3, т. 8, с. 450].

Вронский плачет и при виде Алексея Александровича, хочет, как будто, «исчезнуть куда-нибудь». Анна, не видя Каренина, говорит о нем: «Он добр, он сам не знает, как он добр» [3, т. 8, с. 451]. «Вы оттого говорите, что не простит, что вы не знаете его. Никто не знает. Одна я, и то мне тяжело стало. Его глаза... и я их видеть не могу от этого...» [3, т. 8, с. 452].

И Анна оказывается права. Если в разговоре с Долли Алексею Александровичу потребовалось некоторое время, чтобы впасть в состояние «душевного расстройства», то у постели Анны это происходит мгновенно: «Сморщенное лицо Алексея Александровича приняло страдальческое выражение; он взял ее руку и хотел что-то сказать, но никак не мог выговорить, нижняя губа его дрожала, но он все еще боролся с своим волнением...» [3, т. 8, с. 452].

Горячее волнение Анны передается ему, и Каренин перестает «бороться» со своим «душевым расстройством». Вопрос о прощении, решенный им отрицательно несколько часов назад, получает особое значение. Его уже не надо обдумывать и решать – он решается сам, по не зависящим от Алексея Александровича причинам. А главная причина – это «душевное расстройство», способность перенимать психическое состояние человека, остро сострадать и сочувствовать, забывая о своих собственных интересах: «... то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье. Он не думал, что этот христианский закон, которому он всю жизнь свою хотел следовать, предписывал ему прощать и любить своих врагов; но радостно чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу. Он стоял на коленях и, положив голову на изгиб ее руки, которая жгла его огнем, через кофту, рыдал, как ребенок» [3, т. 8, с. 453].

В большом художественном творчестве Толстого только один герой, кроме Каренина, испытывает подобное чувство. – это Андрей Болконский. Ситуации Болконского и Каренина крайне схожи. Болконский страдает от измены Наташи: эпизод ее связи с Анатолом Курагиным дает основание считать ее «падшей женщиной», как он выражается в разговоре с Пьером. Для Каренина Анна все «затоптала в грязь, которая ей свойственна» [3, т. 8, с. 433]. Болконский жаждет вызвать на дуэль своего главного врага – Анатоля, и страстно хочет столкнуться с ним во время военной кампании 1812 г. Каренин постоянно обдумывает вероятность дуэли, но природная трусость мешает ему вызвать Вронского.

И Каренин, и Болконский оказываются в ситуации близости смерти. Болконский ранен сам, он испытывает тяжелейшие физические страдания, которые рождают в нем слабость. Слабость – ключевое для Толстого понятие. Так Каренин отдается своему «душевному расстройству» и не пытается препятствовать ему. Ранение заставляет Болконского погрузиться в детские воспоминания, в которых он беспомощен и слаб: няня раздевает его и укладывает в постельку [3, т. 6, с. 299]. Вокруг него страдания и смерть. Точно как и Каренин, он хочет плакать: «Оттого ли, что он без славы умирал, <...> оттого ли, что страдал, что другие страдали и так жалостно перед ним стонал этот человек, но ему хотелось плакать детскими, добрыми, почти радостными слезами» [3, т. 6, с. 266]. В человеке, который так «жалостно» стонал, он узнает своего злейшего врага – Анатоля. Сначала он не может вспомнить, чем он связан с этим человеком. А затем вспоминает Наташу, ее «тонкую шею» и «тонкие руки» (в скобках заметим, что эта «тонкость» тоже вызывает жалость), и в нем просыпается «любовь» и «нежность» к ней, а с этим чувством приходит и осознание того, как он связан с человеком, «сквозь слезы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него» [3, т. 6, с. 287]. Вместо привычной ненависти Андрей чувствует любовь и плачет «нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями» [3, т. 6, с. 267].

То же счастье прощения испытывает Каренин. Он не только видит врага, но и говорит с ним, исповедуется ему: «...я желал ее смерти <...> Но я увидел ее и простил <...> Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, и хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения!» [3, т. 8, с. 454]. Каренин плачет, не скрывая своих слез, как и князь Андрей: «Слезы стояли в его глазах, и светлый, спокойный взгляд их поразил Вронского» [3, т. 8, с. 454]. «Он встал, и рыданье прервало его речь» [3, т. 8, с. 455]. Находясь все в том же положении обманутого мужа, Каренин возвышается над ним и говорит Вронскому о том, что позовет его, если Анна пожелает его видеть.

И в случае Болконского, и в случае Каренина Толстой называет чувство, испытываемое ими, совершенно определенно: это евангельская любовь, «любовь к ненавидящим вас, любовь к врагам» [3, т. 8, с. 676].

Высоту чувств Алексея Александровича вполне понимает Вронский: «Он чувствовал себя пристыженным, униженным, виноватым и лишенным возможности смыть свое унижение. Он чувствовал себя выбитым из той колеи, по которой он так гордо и легко шел до сих пор <...> Муж, обманутый муж, представлявшийся до сих пор жалким существом, вдруг ею же самой был... вознесен на внушающую подобострастие высоту, и этот муж явился на этой высоте <...> добрым, простым и величественным» [3, т. 8, с. 455]. В этой цитате звучат три слова из знаменитого высказывания Толстого времен «Войны и мира»: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» [3, т. 7, с. 177]. Величие Каренина заключается в его простоте и доброте, а в правдивости его поступков ничто не позволяет усомниться. И это изменение ролей мучает Вронского, а более всего его мучает стыд, – и Вронский, чтобы заглушить его, стреляется.

Вернувшись к сопоставлению Каренина и Болконского, заметим, что Болконский, познавший чувство любви к врагам, умирает, поскольку человек, любящий все и всех, становится, по мысли Толстого, нежизнеспособным: «Все, всех любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никогда не любить, значило не жить этою земной жизнью» [3, т. 7, с. 67]. Не случайно заповедь о любви к врагам венчает Нагорную проповедь Христа, обозначая высшую точку нравственного движения человека в его уподоблении Богу:

«А я говорю Вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами отца Вашего небесного; ибо он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? <...> Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Евангелие от Матфея. 5. 44-48).

И, если Алексей Александрович не умирает, он неизбежно должен вернуться к земной жизни с ее естественным законом эгоизма, спасающим человека от саморастворения в окружающих. Однако прозрачное сравнение Каренина с Болконским, отчасти автореферентным героем Толстого, явно возвышает его. Но находиться долго на такой духовной высоте человек не в силах, поэтому рисунок движений души в «Анне Карениной», по наблюдению О.В. Сливичкой, напоминает «волну». Человек выходит за свои границы, раскрывая заложенный в нем потенциал, который обозначается благодаря кропотливой аналитической работе автора, и возвращается к себе прежнему, как это и происходит в случае с Алексеем Александровичем Карениным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев К. О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ. Стилль. Веяние // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор: [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/leo/leo-001-.htm>.
2. Сливичкая О.В. О многозначности восприятия «Анны Карениной» // Русская литература. 1990. № 3. С. 34-48.
3. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1984.

Поступила в редакцию 25.02.2023

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: k-nagina@yandex.ru

K.A. Nagina

“DOLL” OR “SAINT”? ABOUT THE DRAWING OF A SOUL IN “ANNA KARENINA” BY L. TOLSTOY

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-852-857

The subject of the study in the article is the drawing of the movements of the characters' souls in the novel by L.N. Tolstoy “Anna Karenina”, in the first place, Alexei Alexandrovich Karenin. In one of the key scenes of the novel – the scene of Anna's puerperal fever – its participants show the potential for variability inherent in them. This potential is also present in Karenin, who has the widest range of assessments of all the characters in the novel: from “doll” to “saint”. The article analyzes the scene of Alexei Karenin's conversation with Dolly Oblonskaya, which seems to be especially significant for the disclosure of Karenin's character and in many ways clarifies the dialectics of his soul in the scene of Anna's puerperal fever. In both scenes, the ability of the character to experience “mental distress” from the sight of other people's tears comes to the fore. This ability is the hallmark of the character and comments on his seemingly unexpected rebirth. The ability for Christian forgiveness brings Karenin closer to Andrei Bolkonsky, who also experiences a “blissful state of mind” – a feeling of love for enemies.

Keywords: "Anna Karenina", L. Tolstoy, Alexei Karenin, scene of Anna's puerperal fever, drawing of the movements of a soul.

REFERENCES

1. Leont'ev K. O romanah gr. L.N. Tolstogo. Analiz. Stil'. Veyanie [About novels gr. L.N. Tolstoy. Analysis. Style. Trend] // Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. Russkaya literatura i fol'klor [Fundamental Electronic Library. Russian literature and folklore]: [sajt]. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/leo/leo-001-.htm>. (In Russian).
2. Slivickaya O.V. O mnogoznachnosti vospriyatiya «Anny Kareninoj» [On the polysemy of perception of “Anna Karenina”] // Russkaya literatu-ra [Russian literature]. 1990. № 3. P. 34-48. (In Russian).
3. Tolstoj L.N. Sobr. soch.: v 22 t. [Collected works: in 22 volumes]. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1978–1984. (In Russian).

Received 25.02.2023

Nagina K.A., Doctor of Philology, Professor
at Department of history and typology of Russian and foreign Literature
Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018
E-mail: k-nagina@yandex.ru